

Дроны

Жанр произведения: Проза

Произведение написал автор BookBox Виктор Лукьяненко

Ссылка на публикацию

I.

Когда-то в военном городке кипела жизнь. А все потому, что рядом находился военный аэродром, на котором базировались два авиационных полка: истребительный и штурмовой. А где есть военный аэродром, там всегда есть военный гарнизон, со всей необходимой инфраструктурой. Множество частей и служб взаимодействуют между собой. Сотни людей, различных национальностей, профессий, чинов и званий, ежедневно пересекаются в работе и в быту, но все вместе выполняют основную задачу, обеспечивают боеготовность. Кто называет военный гарнизон большим муравейником, то ошибается. Это скорее всего игра-стратегия, в которой множество кланов, царств и территорий, а цель, не завоевание и порабощение, а мирное сосуществование и экономическое развитие. По сути, это государство в государстве. Основным богатством по праву считались люди. Для них строились дома, работали школы и детские сады, открывались культурные и экономические объекты, проводились праздники и коммунистические субботники, которые, кстати, тоже считались праздником. Самый главный субботник проводился 22 апреля, в День рождения вождя мирового пролетариата Владимира Ильича Ленина. Некоторые партийные деятели так рьяно чтили память своего лидера, что отмечали это праздник дважды, сначала непосредственно, 22 апреля, а потом в ближайшую субботу. Но были в этом и приятные моменты, за время социалистической истории СССР, десять раз, день рождения Ленина выпадало на субботу.

Ежегодно, в гарнизон приезжали новые люди. Это были офицеры, прапорщики, солдаты срочной службы, их жены и дети. Кто-то приезжал, а кто-то, наоборот, покидал военный городок, со своим нехитрым скарбом, перебираясь к новому месту службы. На особом счету в военном городке был Дом культуры, именуемый в народе как «Аквариум». Он был построен в духе конструктивизма и напоминал аквариум не только своей формой, но и внешним видом. Вся фасадная часть здания, перед которой на площади традиционно стоял памятник Ленину, была выполнена из стекла и металла. С стороны, все люди, находящиеся в здании, были видны с наружи, и благодаря индивидуальным особенностям одежды напоминали аквариумных рыбок. С годами, в гарнизоне даже появилась шутка: когда, с наступлением темноты, в Доме культуры, загоралось освещение, все говорили: «Во, в аквариуме включили подсветку.» Архитектор, который планировал военный городок был не просто профессионалом, а фанатом своего

дела. Как и в любом другом населенном пункте, в военном городке было свое место памяти и скорби. Аллея героев соединяла центральную площадь с памятником Павшим борцам. Она была не слишком широкой, и не слишком узкой, выложена бетонной плиткой, которая даже сейчас сохранила свою первоначальную форму и только стыки заросли травой и превратили ее в серый тетрадный лист в зеленую клетку. По бокам, на возвышенных клумбах, высажены кусты самшита, а в специальных карманах были установлены большие скамейки, с чугунными основаниями. Эти скамейки очень любила молодежь, она называла их «целовалками». Тихими, летними ночами на такой скамейке можно уединиться и рассказывать своей возлюбленной о звездах и далеких мирах. Аллея находилась рядом с летной столовой. Закончив трапезу, пилот сразу попадал в поле зрение своих жен и детей, поэтому шансов пойти с друзьями в гараж, и выпить вина, при таком раскладе практически не было.

Потом все изменилось. Авиацию стали сокращать. Один полк расформировали, другой передислоцировали на новое место, постепенно разъехались службы обеспечения. В городке остались одни пенсионеры, и те, кто за небольшие деньги покупал опустевшие квартиры. Контингент городка быстро изменился, он стал многонациональным и бедным. Работы не было. Женщины занимались домашним хозяйством, а мужья уезжали на вахту. Хорошо себя чувствовали лишь предприниматели, которые держали магазины, и снабжали вернувшихся с деньгами мужей дешевой водкой. Дом культуры из аквариума превратился в большой фанерный ящик, перетянутый ржавыми металлическими лентами. Но даже в такие такой ситуации юмор не покидал жителей городка, поэтому, глядя на убогий вид бывшего дома культуры старожилы говорили: «Ну вот, аквариум уже запаковали, наверное будут переезжать.»

Аэродром опустел. Все, что можно было вывезти или украсть покинуло территорию. Остались только здания и полоса, такая же незыблемая и основательная, ровными линиями устремляющаяся к горизонту. Старые летчики иногда приезжали сюда. Для них это было место силы, место, которому они отдали лучшие годы своей жизни.

Спустя некоторое время, после начала войны аэродром ожил. Рядом с полосой установили передвижной КДП (командно-диспетчерский пункт). Ограждения вокруг летного поля восстановили, и поставили охрану, подключили электричество, и бывший военный аэродром начал периодически принимать самолеты. В основном это были самолеты военно-транспортной авиации, серые Ан-26, серо-зеленые Ан-12, и бело-голубые Ил-76. Сам аэродром находился в низине. Он был расположен между двух холмов. Возможно, много миллионов лет назад, на этом месте протекала большая река, а нынешние холмы были ее

берегами. Когда самолеты садились, то казалось, что они исчезают под землей, а когда взлетали, то как будто выныривали из ниоткуда. По другую сторону аэродрома, немного на север, красовался новый микрорайон. Его назвали Южным, так как он находился на южной окраине города. Это был город в миниатюре. Построен по европейским стандартам, и включал в себя все необходимое для комфортной жизни, закрытые дворы с множеством детских и игровых площадок, парковой зоной, спортивным комплексом, торговым центром. В микрорайоне была открыта новая современная школа, оборудованная по последнему слову техники и несколько детских садов, напоминающие настоящие оазисы. Даже названия улиц были такими, что радовали слух: улица Любви, улица Счастливая, Золотистый бульвар. По обе стороны бульвара Романтиков располагались кафе и магазины. Движение транспорта по этой улице на выходные перекрывалось и люди могли свободно прогуливаться, без риска попасть под колеса грузовика. Они сидели на летних террасах кафешек, устраивали семейные походы по магазинам, или выгуливали своих четвероногих друзей. У жителей не имеющих детей, обязательно была собака. Иногда складывалось впечатление, что в каком-то документе прописано, что если ты живешь в Южном, то у тебя обязательно должна быть собака. И если с маленькими «комочками счастья», такими как мопсы, шпицы, чихуахуа все более-менее понятно, то держать в квартире немецкую овчарку, ротвейлера или сенбернара это уже перебор. Если за «малышами» приходится убирать, держа в руках маленький пакетик, то за сенбернаром надо ходить как минимум с совковой лопатой. Наверное, если проводить экономическую параллель, то военный городок сейчас напоминал самое настоящее гетто по сравнению с Южным микрорайоном.

Еще одной особенностью нового микрорайона был большой торгово-развлекательный центр «Облака». Его строительством занималась компания, основанная бывшим летчиком. Построенная из стекла и металла полусфера, снаружи напоминала лежащую на зеленой траве каплю воды или красивое облако. Все стекла, покрывающие сферическую поверхность здания, были зеркальными. В солнечные дни, торгово-развлекательный центр превращался в некий фантастический маяк, но служил он вовсе не путеводной звездой кораблям. Когда первые лучи солнца ложились на зеркальную поверхность остекления, сотни солнечных зайчиков, отражаясь, улетали в неведомые дали, в далекие галактики, унося с собой информацию он нашем прекрасном мире.

На трех облачных этажах было очень много интересного. Комплекс был оборудован по последнему слову техники, и содержал в себе все необходимое для комфортного времяпрепровождения посетителей. Множество магазинов, огромная зона кафе и ресторанов. На каждом этаже были места отдыха, где

любой желающий мог просто присесть на мягкий диван и отдохнуть в приятной прохладе. Даже этажи в комплексе назывались по авиационному – эшелонами. Третий эшелон практически полностью был отдан под развлечения. Игровые аттракционы, увлекательные лабиринты для малышей, батутный городок. Но самым любимым местом развлечения гостей, особенно мальчишек, были авиационные тренажеры. Каждый желающий мог ощутить себя в роли пилота пассажирского лайнера или суперскоростного истребителя. Даже бывалые авиаторы, выходя из кабины не стеснялись в хвалебных эпитетах. Может быть, именно поэтому, а возможно, из-за находящегося рядом парка, здание получило второе название – «Авиапарк».

Еще одной достопримечательностью комплекса был большой круглый фонтан, расположенный в самом центре на первом этаже. В вечернее время, когда загоралась декоративная подсветка, фонтан, да и все здание в целом, напоминало космическую станцию. В дни больших праздников, а также проводимых на территории комплекса концертов, фонтан закрывался специальным каркасом и превращался в отвечающую всем требованиям шоу-бизнеса сцену.

После сдачи в эксплуатацию микрорайона Южный, военный городок, который находился еще южнее стали называть Южный II, а военный аэродром, со своей незыблемой взлетно-посадочной полосой, стал своего рода разделительной чертой, между прошлым и будущим.

II.

По воскресеньям Игорь Степанович одним из первых выходил во двор, с шахматной доской под мышкой и присаживался за большой деревянный стол, окруженный четырьмя скамейками. Столешницей служил квадратный лист ламинированной фанеры, которую они с мужиками из соседних подъездов специально купили для игры в домино и карты. Это был чисто мужской стол. Специального запрещающего знака не было, но женщины сюда и сами не подходили. Это была чисто мужская территория. Был случай, когда один малыш, оказался насколько шустрым, что начал делать «пасочки» из песка прямо на игорном столе, а молодая, неопытная мать, не придала этому большого значения. Зато мужчины этому случаю предали о-о-очень большое значение. Конечно, малышу ничего не было за такую невинную шалость, он ведь ребенок, а вот мамочке досталось сполна. Она выслушала сколько лекций о правильности воспитания детей, об отличии демократии от вседозволенности, о неуважении к старшим и человеческому труду, что во избежание дальнейших конфликтов, ей

пришлось не только сменить песочницу для своего ребенка, но и двор.

Игорь Степанович расставил фигуры на доске и начал ждать своего соперника. Обычно первым соперником был Мишка, десятилетний соседский паренек, живший на одной лестничной площадке. Мишка рос без отца, и жил вместе с матерью и младшей сестренкой. Мать много работала, и все свободное время уделяла сестре. Нельзя сказать, что старший брат был совсем отделен вниманием, но с матерью у него было гораздо меньше тем для разговора, чем с дядей Игорем. Поэтому, Мишка, при возникновении свободной минуты, убегал к соседу. Кроме игры в шахматы, они часто вместе плотничали, или совершали небольшие походы, вместе с Пиратом. Пират – это большой черный пес, которого Игорь забрал из приюта, куда периодически возил корм для животных. Прогулки Пират очень любил. Несмотря на отсутствие одного глаза он был очень быстрым, сильным и проворным псом. «А нюх, как у собаки, а глаз как у орла», когда его четвероногий друг что-то выискивал в траве. Все суслики и полевые мыши во время прогулок Пирата, прятались на самое дно своих самих глубоких нор, иначе шансов у них не оставалось. Когда Пират ловил кураж, то он словно шагающий роторный экскаватор за считанные минуты мог вырыть огромную яму в поисках невидимой добычи.

Игорь жил один, поэтому компания Мишки ему очень нравилась. Своих внуков у него не было. Единственная дочь жила за океаном, в Америке, а о том, где находится жена Игоря, или что с ней случилось, Игорь не рассказывал, во всяком случае Мишке. А Мишка был в первую очередь компанейским пареньком, а уж потом любознательным. К тому же семейное положение Игоря его вполне устраивало.

Мишке нравилось очень многое, но больше всего на свете он любил небо. Он мог часами слушать истории про полеты, про самолеты, про летчиков. Пару раз Игорь водил Мишку в Авиапарк и понял одно, если все получится, то в будущем из него вырастет первоклассный пилот.

Мишка вышел из подъезда в вразвалочку, опустив голову, пиная кроссовками камни, лежащие под ногами. Что-то буркнул бабушкам, сидевшим на скамейке возле подъезда, и направился прямиком к Игорю. На нем была синяя толстовка с карманами кенгуру и широкие голубые джинсы, которые во времена юности Игоря Степановича, назывались «пирамидами».

- Привет, дядя Игорь, - сказал Мишка, и после рукопожатия сел напротив.

- Ты чего такой хмурый сегодня, как будто на дворе не воскресенье, а четверг?

- А, - махнул Мишка рукой и посмотрел в окна своей кухни выходившего во двор.

- Что, с мамкой поругался?

- Да ну ее!

- Ну, не кипятись, рассказывай.

- Да что рассказывать. Сказала, что к Новому году переберемся в деревню, к бабушке. Мол, бабушка старенькая, одна, ей тяжело. А квартиру в городке сдадим и будет финансовая поддержка.

- Ну, в целом неплохая идея. Тебе же нравится в деревне.

- Конечно нравится, но не жить там, а ездить к бабушке на каникулы.

- Ладно, ладно, еще только начало осени, до зимы еще уйма времени, может все поменяется, и мать передумает. Давай лучше партию в шахматы, пока доминошники не пришли.

Мишка хорошо играл, но сегодня был рассеян и быстро получил мат. Отыгрываться он не захотел, и первым предложил:

- Дядя Игорь, давай возьмем Пирата и пойдем гулять в сторону аэродрома. Ты мне еще расскажешь про Ил-76, он там еще с пятницы стоит.

- Хорошая идея. Не имею возражений. «А ты Пират?» —спросил Игорь своего питомца. Услышал свою кличку, Пират взвизгнул вскочил на ноги и одобрительно завилял хвостом.

- Я вчера в районе аэродрома видел двух орлов, - приободрившись продолжил тему Мишка.

- Да ладно тебе, каки еще орлов. Они в наших краях не водятся. Последний раз степных орлов в нашей местности видели лет сто назад.

- Да говорю вам, что видел, ни у одной другой птицы нет такого размаха крыльев. Они несколько минут парили на одном месте даже не взмахивая крыльями, а потом улетели.

- Дроны, - подумал Игорь, по спине пробежал холодок, волосы на руках вздыбились, а сами руки покрылись гусиной кожей.

- Мишка, а ты сегодня в Авиапарк не собирался? Что там у них сегодня?

- Нет, не собирался. У них сегодня праздник урожая. А я не силен в сортах свеклы и картошки. Да и рано еще. Вся движуха начнется часов в одиннадцать,

а сейчас только половина девятого.

Тревога овладела Игорем. Хотя внешне он этого не выдавал, но плохие мысли, подобно грозовым тучам сгущались, чернели и заполняли собой весь разум. Дронов здесь еще не было. Никто, не верил в то, что когда-то они могут появиться именно здесь, в двух тысячах километров от границы с вымышленным врагом. О том, что идет война знали все, но только те, которые сидели возле телевизора, повсеместно рассказывали страшные истории, учили, как надо правильно воевать, и в чем наши ошибки. Остальные люди, продолжали жить, работать, отдыхать, воспитывать детей, максимально ограждая своих близких от военной тематики. Но и те и другие верили, что скоро все закончится, и наступит мир. А еще, все верили в то, что, находясь далеко от мест боевых действий они находятся в безопасности.

Игорь понимал, что если дроны появились в районе аэродрома, пусть даже старого и практически не действующего, то это сулит опасность. Как человек военный, он понимал, что не все ракеты попадают в цель, а в добавок ко всему дрон – это машина, которая управляется человеком, а человеку свойственно ошибаться. Произойдет сбой в прицеливании, и вот уже ракеты летят не на военный объект, а на торговый центр или жилой дом.

- Как они долетают на такое расстояние, - думал Игорь, возможно, они базируются на территории соседнего государства, до границы Казахстана всего лишь пару сотен километров. Конечно, Казахстан, не причем, а там кто знает.

- Дядя Игорь, ты чего? – спросил Мишка, дергая Игоря за рукав рубашки. Это прикосновение вернуло Игоря к реальности.

- Все нормально, - сказал Игорь, положив руку Мишке на плече, при этом заметил, что от волнения ладошки вспотели.

- У тебя велосипед на мази?

- Да, а что?

- Садись на него и дуй в Авиапарк. Подойди к охраннику на входе, и скажи, что в здании заложена бомба, и нужно срочно эвакуировать людей.

У Мишки глаза округлились. Он изумленно посмотрел на Игоря, а потом, скривив рот в усмешке, взволнованно произнес:

- Ты шутишь?

- Не смотри на меня так. Я серьезно, беги за велосипедом.

- Да что происходит! Ничего не понимаю!

- Ты видел над аэродромом не орлов, а дронов-разведчиков. Противник знает, где находится аэродром, что на нем, и кто на нем. Все, кто находится на аэродроме, в большой опасности. Даже если я ошибаюсь, просто садись на велосипед, и делай то, что я тебе сказал. Я сейчас сяду на скутер, и поеду на аэродром, чтобы всех предупредить. А потом сразу к тебе, в торговый центр.

Мишка оторопел. Он стоял неподвижно, глядя на Игоря, руки опущены и казалось, что в этот момент он даже перестал дышать.

Игорь не знал, откуда у него родился такой план действий, но он отбросил все сомнения, и решил действовать, не теряя ни минуты. Даже если он ошибается, то лучше перебдеть, чем недобдеть. Пусть лучше он станет посмешищем в глазах окружающих, нежели всю оставшуюся жизнь будет винить себя за то, что не предотвратил трагедию.

- Ну чего ты стоишь!? Быстро садись на велосипед и дуй в Авиапарк.

Слова Игоря «разбудили» Мишку, и он метнулся за велосипедом.

Дорога в Южный проходила мимо аэродрома, и составляла километров десять. Аэродром был на полпути. В былые времена, на месте, где трасса пересекает траекторию взлетной полосы, даже сделали импровизированную смотровую площадку. Всегда было много любителей острых ощущений. Когда прямо над тобой, на высоте пятьдесят метров, стремительно взмывает в небо истребитель, или заходит на посадку большой транспортный самолет, и ты видишь не только звезды на крыльях, но даже заклепки на фюзеляже, это всегда завораживает.

Кроме шоссейной дороги была еще одна, так называемая «козья тропа» - тропинка, пролегающая рядом с ограждением, с восточной стороны аэродрома. Этот путь был почти в три раза короче, поэтому, особенно в хорошую погоду, многие жители военного городка добирались до торгового центра пешком или ездили на велосипедах.

Когда Игорь вытаскивал из гаража старенький Хонда Дио, Мишкина спина уже мелькнула между столбиков бывшей калитки.

- Может позвонить в полицию, - подумал Игорь, - и сообщить о надвигающейся беде. А беде ли? Может быть это только игра воображения. Подумают, что очередной псих, не совладал с нервами и решил напугать окружающих, да еще таким способом. Нет, нужно ехать.

Не нарушая правил безопасности, он надел старенький, потертый ЗШ-5 с наклейкой полосатого авиационного флага – подарок друзей на сорокалетие, и повернул ключ зажигания. Двигатель приятно затарахтел. Все было хорошо, за исключением того, что силенок у двухколесного друга для сотни Игоревых килограммов было маловато.

Игорь не считал себя толстым. Он всегда любил повторять слова Карлсона, говоря, что он «в меру упитанный мужчина в расцвете сил». За модой он не следил, поэтому одевался по принципу, модно то, что удобно. Летом футболка и шорты, осенью, рубашка и джинсы, зимой свитер геолога, летная демисезонная куртка, и все те же джинсы. К обуви он относился с большим уважением. Еще в юности Игорь первый раз купил, ботинки фирмы ECCO. Это была любовь с первого шага. С тех пор только ECCO, в любую погоду, в любое время года.

Осень в этом году была теплой. Большая часть деревьев уже сбросила свою листву и ветер, бережно, собирал осиновые и березовые листики в небольшие стайки, выбрасывал на дорогу и кружил их в хороводе, а потом беспечно бросал их на проезжей части и заигрывал с другими листиками. Потом, проезжающий мимо автомобиль настигал эту пеструю компанию, листья с шумом разлетались и оставались на обочине в ожидании очередного дуновения ветра. Сегодня Игорь не обращал внимания на красоту осенней природы. Он даже не заметил, что едет в расстегнутой рубашке, полы которой развевались по сторонам. Он продолжал накручивать рукоятку газа, хотя двигатель и так и так работал на пределе своих возможностей. Уже показалась верхушка телефонной вышки. За ней дорога пойдет на спуск, а там уже и аэродром. Игорь заметно нервничал, поэтому забыл про торможение и чуть не улетел с дороги на очередном повороте. Скутер проехал по самой бровке пыльной обочины, разбрасывая по сторонам листву и рискуя в любой момент оказаться в кювете. Только после этого Игорь сбросил скорость.

III.

Старое КПП, было полуразрушено. Электрический столб, стоящий рядом, был похож на огородное пугало, с большой головой в виде вороньего гнезда, и двумя проводами-руками, которые метались в разные стороны от порывов ветра. Возле КПП, на обочине стоял зеленый УАЗик, в котором сидели два человека в военной форме. Шлагбаум, когда-то преграждавший путь на аэродром был давно сломан, а вернее спилен и сдан на металлолом, поэтому Игорь подъехал прямо к автомобилю. С пассажирского сидения вышел молодой человек. Камуфлированная форма одежды была великовата, а берцы полностью покрыты

пылью. Погоны отсутствовали. Скорее всего это был новобранец, и по золотистой растительности на его лице, был не старше двадцати лет.

- Скорее всего сверхсрочник, младший сержант, еще не вкусивший всех «прелестей» армейской службы, - подумал Игорь, прежде чем юноша начал говорить.

- Мужчина, сюда нельзя. Здесь закрытая территория, въезд разрешен только по пропускам. У вас есть пропуск?

Оружия у дежурного при себе не было, а на ремне неуклюже болтался штык-нож. Возможно свой АК-47 военнослужащий оставил в машине, но скорее всего его просто не было. Игорь не собирался любой ценой прорваться на аэродром, поэтому, прежде чем начать разговаривать, он снял шлем, положил его на багажник скутера, сделал небольшую паузу, и спокойно произнес:

- Молодой человек, простите, не знаю вашего звания, у меня нет пропуска, но у меня есть важная информация, которую я с вашей помощью хочу сообщить руководству аэродрома. Со стороны аэродрома послышался нарастающий шум. Это экипаж самолета приступил к запуску двигателей.

Дежурный по КПП машинально оглянулся в сторону звука. Было понятно, что такой звук для него в новинку, а значит подтверждало версию, что перед Игорем стоит новобранец. Затем он снова вытянулся по струнке и произнес:

- Сегодня выходной, поэтому руководства на аэродроме нет. По всем вопросам можете обращаться завтра в рабочее время, - на автомате отчеканил военнослужащий, но по глазам было видно, что его распирает любопытство по поводу имеющейся у Игоря информации.

Именно сегодня, Игорю было плевать на любопытство служивого. Он слышал звук запускающегося двигателя, а как говорил Винни-Пух: «Это Жжжж, не спроста». Времени на уговоры не оставалось.

- Вчера, в районе аэродрома были замечены дроны-разведчики, поэтому необходимо предупредить руководителя полетов и экипаж самолета о возможной опасности.

Реакция военнослужащего была ожидаемой. Даже не смотря на всю ответственность и нахождение при исполнении служебных обязанностей, не смогли стереть с лица молодого человека ехидную ухмылку. Теперь он скорее всего понимал, что мужчина, стоящий напротив, не совсем адекватен, поэтому снова приняв серьезный вид, спокойным тоном произнес:

- Мужчина, успокойтесь. Никаких дронов тут нет. Скорее всего вам, или вашим товарищам, которые якобы видели дронов, просто померещилось.

Игорю не нравилось каким тоном с ним разговаривал этот юноша, но он продолжал сохранять спокойствие. Переходить на крик или угрозы, тем более прыгать на скутер и ехать в сторону аэродрома было бессмысленно. Оставалась надежда только на дипломатию.

- Молодой человек, если у вас есть телефон, просто позвоните своему руководителю и передайте ему мои слова, а дальше можете меня задержать, посадить в машину, отвезти в комендатуру, в общем сделать все то, что вам положено по Уставу.

Как ни странно, но слова Игоря подействовали. Дежурный достал телефон, набрал номер и после ответа произнес:

- Товарищ капитан, дежурный по КПП младший сержант Рожков. Тут на КПП какой-то мужчина рассказывает о том, что видел дронов-разведчиков над аэродромом, и просит предупредить вас и экипаж самолета о возможной опасности.

Капитан был видимо еще большим скептиком чем младший сержант, поэтому, голос в трубке повысился до уровня крика, из-за чего младший сержант отодвинул мобильник от уха, и голос товарища капитана услышали все:

- Рожков, твою мать! За дронов отвечает ПВО, а ты, отвечаешь за КПП, и за то, чтобы ни одна живая душа не проскользнула мимо тебя на аэродром. Тебе ясно!?

- Так, точно, товарищ капитан, - испуганным голосом произнес дежурный. Он хотел сказать что-то еще, но Игорь резким движением выхватил из рук дежурного телефон и прокричал:

- Слышишь, ты, осел тупорылый! Если ты хочешь всю оставшуюся жизнь мыслью о том, что по твоей вине разбился самолет и погибли люди, то можешь продолжить перебранку со мной. А если нет, то просто возьми и позвони руководителю полетов и передай ему информацию о возможной атаке дронов.

Игорь сбросил звонок и вернул телефон владельцу. Они молча смотрели друг на друга и слушали как Ил-76 начал руление в сторону взлетной полосы. Теперь оставалось уповать только на расторопность капитана, его амбиции, эмоциональное состояние и чувство ответственности. Бросится ли он первым делом на КПП, чтобы лично разобраться с грубияном, или все-таки, позвонит руководителю полетов, и расскажет об услышанном, пока не знал никто, даже

сам капитан.

На какое-то мгновенье двигатели самолета притихли. Могло показаться, что их выключили, а это значит, что предостережения Игоря услышали, но все было иначе: командир воздушного судна вырулил на взлетную полосу, убрал обороты, и запросил разрешение на взлет. Через мгновенье, звук двигателей начал нарастать, и, спустя пару секунд, превратился в рев. Игорь тяжело вздохнул, надел шлем, сел на скутер, и ни говоря ни слова двинулся в сторону торгового центра, в тот самый момент, когда крылатая машина начала свой разбег.

IV.

Мишка не ехал на велосипеде, он летел. Его скорость сейчас была намного больше той, с которой он победил Серегу в споре за новою светодиодную фару для своего велосипеда. Она и сейчас была надежно закреплена на руле и в любую минуту готова ярким лучом осветить путь. Все происходящее по-прежнему казалось Мишке сном, но в то же время он чувствовал такую ответственность, которой раньше у него не было. И вовсе не потому, что он мог прославиться, получить грамоту или медаль, а просто потому, что его попросил дядя Игорь. Он был для него как отец. Еще прошлым летом, Мишка решил, что когда вырастет, то обязательно станет летчиком, как дядя Игорь.

Своего отца у Мишки не было. Все, что он о нем знал, так это то, что отец бросил мать сразу после Мишкиного рождения. Других рассказов не было, не было фотографий, не было бабушек и дедушек, не было ничего, что напоминало бы Мишке об отце. Не было у Мишки и дедушки. Уже много лет бабушка Валя живет одна. Ее муж, Мишкин дед, Егор Иванович погиб 17 августа 2009 года, во время аварии на Саяно-Шушенской ГЭС. В тот день на электростанции погибло еще 74 человека. А через три года после этого печального события, появился Мишка. С дядей Игорем они познакомились тогда, когда тот заселялся в свою нынешнюю квартиру. Он хорошо помнил тот день потому, что с этого дня началась их дружба. Все пожитки дяди Игоря легко поместились в небольшом фургоне: диван, стол, шкаф, несколько стульев и десяток коробок, из которых не меньше половины были с книгами. А еще было деревянное кресло, которое напоминало трон, и на котором Мишка толи сидел, а толи лежал, пока по просьбе дяди Игоря охранял вещи. Вечером, в знак благодарности, дядя Игорь напоил его чаем с шоколадными конфетами, а также подарил книжку «Повесть о настоящем человека». Мишка был не очень хорошим чтецом, но эту книгу прочитал на

одном дыхании, и она ему очень понравилась.

Дни, когда Мишка и дядя Игорь не виделись можно было пересчитать по пальцам. А когда мама с сестренкой иногда уезжали в деревню по среди недели, то Мишка даже ночевал у дяди Игоря. Дружба стала еще крепче, когда появился Пират. Мама не разрешала Мишке заводить собаку, и в моменты частых ссор Мишки с сестрой Лизой, любила повторять:

- Собаку они хотят!? Сами, как собаки…

Наверное, именно дядя Игорь, был причиной нежелания Мишки уезжать в деревню. Прокручивая пленку воспоминаний, Мишка немножко сбавил скорость, но потом снова нажал на педали. Сразу за небольшим оврагом начиналось ограждение аэродрома. Сейчас «колючку» между бетонными столбиками восстановили. А ведь еще год назад она оборванная подобно кольцам питона лежала в зарослях густой травы. Мишка хорошо помнил тропинку, по которой они с пацанами незаметно пробирались на территорию аэродрома. Первая их вылазка закончилась разорванными штанами и разодранной ногой. В последствии, «тайной тропой» они могли проходить на аэродром даже с закрытыми глазами. Нужно отметить, что больше всего на аэродроме мальчишек привлекал небольшой сад возле старого КДП. Там росли и яблони, и груши, и сливы, а чуть дальше были заросли красной смородины и крыжовника. Но самыми вкусными были груши. Они были большие, желтые и сладкие. Такие не продавались на рынке. Однажды, за пакет таких груш мишка выменял светящиеся колпачки для велосипедных колес, и это было очень круто.

Аэродром остался позади, дорога пошла под горку, и Мишка сосредоточился на подъеме. Как не старался, сил все равно не хватило. Велосипед терял скорость и в конце концов Мишка спрыгнул на землю и тяжело дыша покатил железного коня рядом.

Он хорошо помнил то, что сказал дядя Игорь, но не представлял как это сделать. За всю свою жизнь, ему никогда не доводилось общаться с охранником, если не считать школьного сторожа.

- А если он не захочет меня слушать, а просто выгонит, да еще и оплеух надает, что тогда? Или, наоборот, закроет в дежурке, и все труды на смарку, миссия провалена, гейм овер. Сто процентов, у охранников торгового центра, есть такая комната, в которую они отводят нарушителей и держат до приезда полиции. Ну и пусть, дядя Игорь обязательно после аэродрома направится сюда, и меня выручит. А может быть кто-то уже сообщил охранникам о дронах, и они в срочном порядке эвакуируют людей из здания. С такими мыслями мишка

выскочил на асфальтированную дорожку ведущую к Авиапарку. Прежде чем попасть в торговый центр надо пересечь большую парковку. Центральная часть парковки сегодня была отдана под народные гуляния по случаю Дня урожая. В самом центре была установлена сцена. Какой-то парень в яркой одежде, наверное, диджей, устанавливал и подключал на сцене звуковую аппаратуру. Благодаря своему пестрому наряду он был похож на попугая.

- Чего только не напялишь на себя, ради праздника Урожая, - подумал Мишка проезжая мимо.

Возле сцены стояли большие вазы со снопами колосьев, а вся площадь была украшена разноцветными атласными лентами и воздушными шарами. Также на площади перед сценой стояли две телеги, доверху заполненные оранжевыми тыквами и зелеными, полосатыми арбузами. Чуть в стороне, была организована фотозона, центральной частью которой были три больших тюка сена, деревянное кресло с клетчатым пледом, а также стол, на котором стояла огромная ваза с фруктами, а также корзина с овощами.

Бросив велосипед на зеленом газоне, неподалеку от сцены, Мишка побежал к центральному входу. Он видел, как с другой стороны парковки, в торговый центр движется толпа детей. Дети были примерно одного с Мишкой возраста. Скорее всего в честь праздника для них организовали экскурсию. Мишка первым проскочил в крутящиеся двери и через мгновенье оказался лицом к лицу с охранником. Может быть от неожиданности, мужчина в черной футболке с надписью «ОХРАНА», черных брюках и черных туфлях, и лысой головой показался Мишке огромным. Он был угрожающе-страшен. На поясном ремне висела дубинка и газовый баллончик. Мишка смотрел на охранника, охранник на Мишку. Пауза затянулась.

- Тебе чего? – спросил охранник обычным человеческим голосом.

- В здании бомба, нужно срочно эвакуировать людей, - выпалил Мишка.

Охранник сделал паузу, как будто переваривал услышанное, или просчитывал вероятность правдивости или ложности слов малолетки.

- Ты что, пацан, клея нанюхался? Какая бомба? Сюда иди! - сказал охранник и сделал шаг навстречу Мишке.

Мишка убегать не собирался. Он понимал, что любые выходки с его стороны будут восприниматься как доказательство его виновности. В момент, когда через входную дверь мелкими волнами влился поток учеников в сопровождении двух училок, охранник взял мишку за запястье и так сильно сжал, что у Мишки

от боли в глазах появились слезы.

- Только пикни, - прошипел охранник, - я не знаю, что с тобой сделаю, - и тут же расплылся в добродушной улыбке перед толпой учеников. Кроме школьников, в вестибюле первого этажа было еще несколько человек, остальные посетители торгового центра занимались своими делами на других этажах.

Мишка понял, что просто так его не отпустят, когда охранник, продолжая удерживать его за руку произнес в рацию:

- Серега, подойди на первый пост.

К этому моменту дети заполнили большой холл первого этажа, и словно воробьи кружили и чирикали возле фонтана. По эскалатору со второго этажа спускался охранник-Серега. Мишка безошибочно определил это не столько по черной футболка, а скорее по лысой голове и больших размерах. Серега был еще больше нежели охранник, который держал Мишку за руку. Он медленно спускался по ступеням, ведущим на второй этаж, с видом победителя или как минимум хозяина этого здания. Когда расстояние между ними составляло не больше десяти метров, Мишка не выдержал и закричал:

- В здании бомба! Уходите! Уводите детей! Скоро все взорвется! Спасайтесь!

Несколько девочек одновременно начали визжать. Их крик поддержали другие. Без всякой команды, дети ринулись к входной двери преследуя одну единственную цель покинуть здание. Мишке показалось, что две учительницы на время превратились в маленьких детей и хотели тоже побыстрее вырваться из здания. Оба охранника стояли возле мишки и смотрели на все происходящее с непонимающим взглядом. Только после того, как последний ребенок покинул здание центра, они пришли в себя, и Серега, видимо старший сказал:

- Звони шефу. Скажи, что у нас форс-мажор. Вызывай наряд, а я отведу пацана в дежурку.

И если панике подверглись только дети, то чувство тревоги появилось, благодаря Мишке, в самом сердце торгового центра. Оно невидимым плющом проникало в каждый уголок здания, опутывало своими цепкими ветками каждую комнату. Именно это чувство шептало каждому человеку, который находился в здании: «Уходите! Здесь опасно». Гости с верхних этажей услышали шум и стояли возле застекленных перил, и смотрели вниз. В сторону охраны потянулись люди: гости, обслуживающий персонал, арендаторы торговых точек. Они видели, как охранник буквально несет под мышкой мальчика, который отчаянно сопротивлялся и кричал:

- Отпустите! Вы не имеете права! Я еще ребенок.

Посетители комплекса разделились на два лагеря. Одни встали на защиту мальчика и выкрикивали:

- Мужчина, отпустите ребенка! Что вы себе позволяете!?

Другие приняли сторону службы безопасности и методично выговаривали:

- Что за дети пошли!? Никакого уважения. Никакого воспитания. Творят, что хотят. Могу представить какие у них родители. Ни стыда, ни совести.

Тем временем Мишка, находясь в объятьях охранника продолжал гнуть свою линию:

- Люди, в здании бомба. Уходите. Сейчас все взорвется. Это не шутки, - визжал Мишка, потому что, ему было больно от того, как охранник, словно тисками, сжимал его тоненькую руку.

Комната охраны находилась на втором этаже, рядом с лестничным маршем.

Охранник Серега багровый от злости и негодования затолкал Мишку в комнату, и с силой швырнул на кожаный диван. Не говоря ни слова, он вышел из комнаты и громко хлопнул дверью. Мишка услышал звук запирающегося замка и метнулся к двери. Он начал со всех сил стучать кулаками и кричать:

- Выпустите меня! Помогите!

Он кричал, стучал по металлической обшивке двери, а слезы ручьями текли из глаз, не от боли, а от обиды и безысходности. Боль в руках начала нарастать, и тем самым постепенно приводить Мишку в чувства. Он понял, что спасать из комнаты охраны его не будут. Если никто даже не спросил кто он и откуда, то вся надежда только на дядю Игоря. Немножко успокоившись, Мишка огляделся по сторонам.

Комната охраны была полностью квадратная. Напротив двери было небольшое окно, снаружи закрытое решеткой. Рядом с окном стоял большой, металлический, серый, не то шкаф, не то сейф. Он был старый, и видимо очень тяжелый. Дверь была одна и открывалась с помощью круглой ручки похожей на штурвал. Кроме черного дивана, в комнате стоял письменный стол, два стула, кулер с водой, а также небольшая деревянная тумбочка, на которой стоял электрический чайник, стаканы, кружки, начатая банка кофе, а также раскрытая пачка овсяного печенья. На полу был постелен линолеум с рисунком в виде паркета, а стены и потолок были обшиты пластиковыми панелями под цвет

дерева. Мишка словно оказался внутри деревянного куба.

- Прям какой-то домик охотника, - подумал про себя Мишка, вытирая остатки слез. Только сейчас он понял, что во рту пересохло, и даже глотать стало больно. Он подошел к кулеру, взял пластиковый стаканчик, наполнил его, и залпом выпил, потом второй, и лишь после этого ему стало немножко легче. Полностью осмелев, Мишка взял со стола овсяную печеньку и подошел к окну. Зеленая лужайка, где он оставил свой велосипед была не видна. В поле зрения попадала только аллея, выложенная из разноцветной тротуарной плитки, которая тонкой линией очерчивала здание торгового центра. За тротуарной дорожкой начинался зеленый, ухоженный газон, который тянулся до самого оврага. Гядя в окно, Мишка вспомнил про мобильный телефон. Он про него совсем забыл. Ему даже стало смешно, от того, что он так сильно нервничал и плакал. А ведь все можно решить одним звонком. С этими мыслями Мишка засунул руки в карманы брюк, потом вытащил их оттуда, потом засунул обратно, снова вытащил... Карманы были пустыми. Как по команде, слезы брызнули из глаз. Он упал на диван и продолжил рыдать. Сейчас ему некого было стесняться, но зато было очень обидно. По старой привычке, перед поездкой на велосипеде он доставал все ценные вещи и прятал их в кожаный бардачок, прикрепленной к раме велосипеда. Телефон находился в нем.

V.

На взлет такой машине как Ил-76 нужно не более двух минут. Все зависит от степени загрузки, а также от срочности взлета. Что или кого, а скорее всего и то и другое, повезет транспортный геркулес, а главное куда, можно только гадать. Учитывая, что аэродром военный, можно понять, что на борту самолета будут не пиломатериалы или бытовая техника. С момента приземления прошло двое суток. И хотя семьдесят шестой считается очень вместительным, одного топлива надо как минимум девяносто тонн, за такой период можно не только авиационную машину, а целый железнодорожный состав загрузить по самую завязку. Пока Игорь освежил в памяти некоторые данные грузоподъемности самолета, он сам вальяжно вынырнул из деревьев, в тот самый момент, когда в люках прятались стойки шасси. Четыре двигателя оставляли за собой еле видимые темные полосы на фоне безоблачного, синего, осеннего неба. Игорь еще раз проводил взглядом крылатую машину, оценил величие и грацию, а также легкость, с которой она взмывала к облакам, а потом сосредоточился на дороге, которая плавно разворачивалась в сторону торгового центра. Головная боль усиливалась, а сердце бешено колотилось, отражаясь глухими ударами в голове. Это был плохой знак. Дела сердечные уже приводили Игоря на

больничную койку. Тогда это была мерцательная аритмия. Может быть сейчас она вернулась, подгоняемая предчувствием чего-то плохого, предчувствием большой беды. Игорь не видел, как в небе появились дроны, три темно-серые точки на огромной скорости приближались к взлетающему самолету, превращаясь в крылатых хищников, даже вид которых выглядел устрашающе. Не видел старый летчик и момента атаки, когда в направлении семьдесят шестого потянулись три туманных следа, оставляемых за собой ракетами. Из-за шума ветра и двигателя, Игорь не слышал, звука взрывов, когда один из двигателей летательного аппарата буквально отрезало от крыла и он, подобно выпущенной торпеде, продолжил свой последний полет. Не видел Игорь и того, что после попадания самолет содрогнулся и накренился на правое крыло. Два уцелевших двигателя продолжали работать, но за счет крена, самолет начал разворачиваться в сторону города, медленно теряя высоту. А дроны исчезли в синеве утреннего неба также быстро, как и появились.

Сосредоточившись на дороге, не обращая внимания на головную боль, Игорь продолжал движение в сторону торгового центра. Удерживая руль одной рукой, он набрал сотовый Мишки. Гудки шли, но трубку никто не брал. В этот момент, боковым зрением он увидел подбитый самолет, который медленно разворачивался и терял высоту.

- Только не на торговый центр, - словно молитву произнес Игорь, и прямо лег на рулевую колонку, чтобы хоть как-то увеличить скорость, двигатель и так работал на максимуме.

VI.

Владимир Сергеевич проснулся ровно в шесть утра. За долгие годы это вошло в привычку. Будильник утратил свою актуальность уже давно. Срабатывал внутренний механизм, и ровно в шесть утра глаза открывались. С учетом того, что до приезда микроавтобуса было еще два часа, он не торопился покидать теплую постель, к тому же, матрас был на удивление хорошим. Иногда, даже в четырехзвездочных отелях попадаются кровати, на которых спать просто мученье, а тут, в провинциальной гостинице-середняке спальные места были выше всяких похвал, если не сказать являлись основной достопримечательностью номеров.

Глядя в потолок, Владимир Сергеевич еще раз подумал о том, что пора на покой. Он говорил себе это уже много раз, но каждый раз находил доводы в пользу своего летного долголетия. Да и как по-другому, уже больше тридцати лет он управляет крылатой машиной; ничего другого в жизни, кроме как летать он не

умеет делать. Когда-то, еще будучи курсантом, он спрашивал у первого летчика инструктора, чем тот займется, когда пойдет на пенсию. Тот спокойно, и с полной уверенностью отвечал: устроюсь сторожем в магазин «Политическая книга».

- А почему именно политическая?

- Потому, что такие книги никогда не воруют, - с ухмылкой отвечал летчик-инструктор. Ни одного книжного магазина с политической литературой в своем городе Владимир Сергеевич вспомнить не мог.

Так вышло, что с женой Ларисой, они так и не обзавелись детьми: сначала было некогда, учеба, карьера, потом возникли проблемы со здоровьем, а потом выросли они из детородного возраста и отпустили эту идею. На то, чтобы взять ребенка из детского дома тоже смелости не хватило. Владимир Сергеевич плохо представлял, как будет уживаться с Ларисой в четырех стенах. При всей любви и привязанности в своей жене, он иногда думал, что ничего общего у них нет. Он с радостью заключал ее в объятья при встрече и с такой же радостью улетал в очередную командировку. Наверное, их брак сохранился так долго во многом благодаря Ларисе. Она никогда не устраивала истерик и сцен ревности. Когда он был рядом, она все внимание уделяла ему, а когда он улетал, то все внимание переключалось на свой бизнес, уже больше двадцати лет Лариса является хозяйкой косметического салона.

Больше всего старого летчика напрягала нынешняя ситуация в стране, вернее не только в стране, а в мире в целом. Когда на заре своей карьеры, он молодым лейтенантом летал в Ливию, где была гражданская война, то для него это было как белый шум, как нечто далекое и нереальное. Он был летчиком огромной сильной державы, которую никто и никогда не сможет победить. Была гордость, был патриотизм, и была уверенность в завтрашнем дне. Но потом, как пишет в своей беллетристике Стивен Кинг, мир сдвинулся. Все перевернулось с ног на голову, сменились времена, сменились нравы, сменились друзья и враги, сменилось хорошее и плохое. Как бы хотелось всего этого не знать и не видеть, но получалось в точности до наоборот. Шла война, в которой брат воевал против брата. Информационные источники нагло врали, подавая новости только в том цвете, который нравился кому-то одному. Может быть именно поэтому читать газеты, слушать радио и смотреть телевизор Игорь перестал. Но, так или иначе, он являлся участником боевых действий, той бессмысленной войны, которую сам презирал. Все точки над «i» расставлял Устав: ты военнослужащий, а значит должен выполнять приказ. И если это можно назвать радостью, то радовало только то, что он и его экипаж не были в самой гуще событий, а только созерцали последствия сражений, когда привозили к линии фронта

новобранцев-резервистов, а отвозили назад цинковые гробы, и за частую вторых было больше, чем первых.

Пролежав в раздумьях минут пятнадцать, он хлопнул в ладоши, так сказать, очистил горизонт от грустных мыслей и в слух произнес:

- Пора вставать, нас ждут великие дела.

Встал, прошелся по комнате, сделал несколько упражнений, подобно Винни-Пуху, упавшему с высокого дуба, по привычке выглянул в окно, чтобы понять метеоусловия, как в дверь постучали.

На пороге стоял бортинженер, Сергей Николаевич. Он был самым старшим в экипаже, и вся молодежь называла его батей или папиком. А может это было еще потому, что Сергей Николаевич очень часто любил проводить беседы с подрастающим поколением и все его рассказы неизменно начинались словами: «А вот в наше время!». А может из-за шикарных, пышных усов, которыми он напоминал гоголевского героя Тараса Бульбу., точно таких как у Тараса Бульбы.

- Доброе утро, Сергей Николаевич. Ты что в такую рань? Что-то случилось? - спросил Владимир Сергеевич.

Они так и продолжали стоять друг напротив друга, разделенные дверным проемом, пока бортинженер не произнес:

- Так, я войду?

- Да, конечно, заходи, что же это я, - засуетился Владимир Сергеевич, пропуская гостя в комнату.

Пока бортинженер занимал место на стуле, командир быстро накинул спортивный костюм, вечный спутник всех командировочных людей. Жаль только то, что срок жизни спортивного костюма гораздо короче человеческой, поэтому приходится покупать новые и некоторое время к ним привыкать.

Сев так, чтобы видеть глаза собеседника Владимир Сергеевич произнес:

- Давай, выкладывай.

Бортинженер традиционно прикусил один ус, затем, аккуратно расправил его ладонью начал:

- Вчера у Кирюхи, в Курской области брата убили.

В разговоре образовалась пауза.

Кирюха, Кирилл Лаптев, новый бортрадист экипажа. Уже больше года он в команде. Ему было двадцать шесть лет, и он был родом с Урала, вернее с уральской деревни. Кирилла вместе со старшим братом воспитывала мать. Она была поваром в школьной столовой. Отец умер, когда ему было чуть больше тридцати от прободной язвы желудка. Это случилось на лесопилке, где старший Лаптев работал вахтенным способом. О том, что у него проблемы с желудком он никому не рассказывал, а только, как рекомендовали «знатоки», ранку спиртом прижигал. Когда случился очередной рецидив, он решил отлежаться в вагончике. Коллеги по работе обнаружили его в бессознательном состоянии, когда пришли на обед. В больницу доставили еще живого, но до операции так и не дошло. Как сказали врачи, он умер от потери крови.

Старший брат Иван, с юных лет решил, что будет фермером, что будет у него свой трактор, и стадо коров, и живности полный двор. А Кирилл, был романтиком. Он мечтал о небе. Очень часто, он лежал в траве на холме возле речки и смотрел на небо. Смотрел на белые полоски, которыми самолеты, как по волшебству расчерчивали синеву. В такие минуты он представлял себя за штурвалом небесного лайнера и от этого ему становилось легко и приятно. Даже, когда вторая попытка стать летчиком провалилась, Кирилл не распрощался со своей мечтой.

- Если не стану летчиком, то стану бортинженером, но все равно я буду летать, сказал он сам себе и поступил в Самарский университет имени академика С.П. Королева. После учебы должности бортинженера для него не нашлось, поэтому он с большим энтузиазмом откликнулся на предложение занять кресло бортрадиста на самолете Ил-76. Его мечта сбылась, он летал на самом красивом самолете планеты земля. Жизнь шла тем курсом, на который он ее направлял. Самый дорогой и близкий человек – мама оставалась дома под присмотром старшего брата, поэтому можно было спокойно летать и строить свою авиационную карьеру. Так все и было. Брат женился, и у него появился первенец. Он был успешным фермером, и потихоньку заканчивал строительство своего собственного дома. Но потом началась война. Обычная тревожность переросла в страх после того, как брату пришла повестка. Он не нуждался в деньгах, и не желал воевать, но жил по правилам, которые ценил больше всего на свете. Он собрался и пошел выполнять свой долг, надеясь, что здравый смысл победит и скоро все закончится, он вернется домой и продолжит поднимать сельское хозяйство на Урале, воспитывать детей. Он всегда утверждал, что у него будет много детей. Но судьба распорядилась иначе…

- Как это случилось? Есть подробности? - спросил Владимир Сергеевич после воцарившегося молчания.

- Да какие подробности, командир, «геройски погиб, выполняя свой долг». Погиб точно так, как все, кто погибли до, и все, кто погибнет после, - сказал бортинженер и махнул рукой. В его глазах стояли слезы. Он отвернулся и провел рукавом толстовки по глазам, а потом продолжил:

- Нет никаких подробностей, Владимир Сергеевич, просто был и нет.

- Как Кирилл?

- Да как, плохо. Лежит уткнулся в подушку, не разговаривает. Ночью плакал, сейчас просто молчит.

- Ладно, я сейчас подойду, - сказал командир. Остальные в порядке?

- Думаю да, спят еще.

Речь шла о еще двух членах экипажа, которые расположились в третьем номере. Это штурман, молдаванин Влад Мокану, и молодой «правый» пилот Павел Мостовой, которого в неформальной обстановке называли любимчик Пашка. Он был душой компании, как говорится свой диджей на экипажной вечеринке, всегда веселый и жизнерадостный, с хорошим чувством юмора и большим сердцем. Он был сыном полковника и внуком генерала, но никогда не афишировал этого. Он сам прокладывал свой жизненный путь. И доказательством этого был диплом с отличием Краснодарского училища летчиков. Он любил небо и любил полеты. В Питере его ждала девушка. Совсем скоро они планировали сыграть свадьбу. Да, Пашка, был сыном своего отца, но не был папенькиным сынком, а потому все свои проблемы решал сам. В добавок это не были проблемы, это были просто задачи.

С первых дней прихода Пашки в экипаж, штурман взял негласное шефство над молодым летчиком. У штурмана, на исторической Родине, в Кишиневе остался сын. Он был ровесником Пашки. Влад Мокану развелся с женой, когда их сыну было всего два года. В дальнейшем он всячески пытался наладить отношения с сыном, но, как это часто бывает, многие факторы этому не способствовали: другая страна, повторное замужество бывшей. Он видел сына всего несколько раз и понимал, что для него он не более чем добрый дядя, или говоря научным термином, является биологическим отцом. Поэтому Пашке он давал то, что не смог дать своему собственному сыну. Да и для экипажа это было очень полезно. Когда летчик знает премудрости штурманской работы это очень здорово. При всем при этом штурман никогда не позволял себе лишнего, а если где-то и перегибал палку, то делал это очень деликатно, скрашивая неловкую ситуацию веселым анекдотом. В анекдотах ему не было равных. Наверное, он мог бы соревноваться с самим Игорем Маменко. Однажды Пашка спросил:

- Влад, а вы сколько анекдотов знаете?

Не смотря на разницу в возрасте, Пашка называл штурмана Владом, потому что в Молдавии нет отчеств, и даже в документах пишут только имена и фамилии. И хотя штурман уже давно был гражданином России, и имел российский паспорт, это была дань уважения традициям.

Услышав вопрос, штурман на мгновенье задумался, а потом сказал:

- Давным-давно, еще в школьные годы, я лежал в больнице, в палате со взрослыми мужиками. Среди них был один сварщик, который из-за несчастного случая (лопнул газовый рукав) сильно обгорел. Несмотря на это, и на то, что передвигался он практически на четвереньках, и что последствия травмы останутся с ним на всю оставшуюся жизнь, он не унывал и буквальном смысле излучал позитив, целыми днями веселя компанию страдальцев различными анекдотами, это были и откровенно детские шутки, и категории 18+, что как обычно усиливало запоминание. Мне нравились анекдоты, и я старался запомнить их все. Для меня было очень важно знать, что значит настоящий мастер анекдота. Тогда я спросил его, примерно, как ты сейчас: «А что значит быть мастером анекдотов? На что получил быстрый ответ: «Быть мастером анекдотов, это когда тебя спрашивают: «Расскажи анекдот.» А ты в ответ спрашиваешь: «А про что?» А тебе говорят: «Нууу, например, про палец». А ты в ответ спрашиваешь: «А про какой палец?»

В половине восьмого все собрались в столовой, уже по форме одеты и с вещами. Последним из номера спустился Кирилл. Глаза у него были красные, и это было не удивительно. Аппетита ни у кого не было. За столом царило гробовое молчание. Все молча допили кофе и вышли в беседку рядом с гостиницей, которая одновременно служила и местом отдыха, и курилкой.

Микроавтобус пришел точно по расписанию. Нехитрый летный скарб, в духе времени, был разложен в компактных рюкзаках, поэтому все быстро расселись по салону маршрутного такси и поехали. Полетное задание было стандартным. Необходимо доставить в Ростов-на-Дону новую партию контрактников, а также ящики с оружием и боеприпасами. Учет и контроль этого груза, дополнительно возлагался на приставленного к нему офицера госбезопасности. Посадка в аэропорту Платов. Сейчас международный аэропорт был закрыт, и принимал только специальные воздушные суда. Что будет дальше никто не знал. Горизонт планирования сузился до нескольких дней, и с этим приходилось мириться. Дорога до аэродрома занимала не более двадцати минут. Солнце радовало осеннюю природу своим теплом. Деревья подставляли под его лучи, свои стройные, наряженные в желто-зелено-красные наряды тела. Где-то в

пожелтевшей траве суслики делали последние заготовки на зиму, птички распевали свои песни, и начинался новый день.

Летучий корабль, именно так называли летчики самолет Ил-76. Это была летающая машина вне времени. Он был настолько ладным и правильным, что особняком стоял во всей мировой авиации. Не случайно, в классификации НАТО он назывался Candid (искренний, прямой).

Семьдесят шестой был одним из тех изделий, о которых говорят «изящество в простоте». Наверное, за такие слова пилоты этого самолета меня бы отругали, или как минимум поправили, что нехорошо называть такой величественный летательный аппарат изделием. Если о каких-то самолетах и говорят - удачная модель, то это как раз про него. Ил-76 – самолет-трансформер, который легко может менять свою специализацию, и буквально в считанные часы превращаясь из грузового самолёта в пассажирский, топливозаправщик, самолёт-госпиталь или самолет-пожарный. Уже больше пятидесяти лет прошло с того момента, как эта крылатая машина осуществила свой первый полет. Это первый транспортный самолет с турбореактивными двигателями.

Солнечные лучи отражались от бело-голубой обшивки фюзеляжа, и создавали вокруг его контуров серебристую ауру, которая в свою очередь превращала летательный аппарат в какой-то загадочный сказочный персонаж, который стоял не на ЦЗ, а в каком-нибудь невиданном царстве в окружении ярких осенних красок.

Рампа была опущена. Погрузка шла полным ходом. Один из благотворительных фондов передал на фронт медикаменты и продукты. Все коробки были тщательно упакованы и перемотаны красным скотчем, что дополнительно визуализировало груз, как мирный. Всем процессом погрузки руководил техник по АДО, Сергей Поляков. Он был единственным из экипажа, кто категорически не переносил гостиничную атмосферу. С тем, что Серега, в свои тридцать пять часто ночевал на борту все уже давно смирились. Раньше были уговоры и долге беседы, но потом все от него отстали. Сергей родился в деревне под Оренбургом. Семья большая, два старших брата и две младших сестры. Как-то раз отец взял Серегу с мужиками пива попить. Ну пил-то отец, а Серега, так сказать, присутствовал за компанию. Было ему тогда лет шесть, еще в школу не ходил. Мужики пиво пили, разговаривали, а Серега грыз мороженное да слушал разговоры старших. Начали мужики над отцом Серегиным насмехаться, кстати тоже Сергеем:

- Что, Серега, был нормальным мужиком, а потом превратился в бракодела, силы на третьем закончились перешел на девчонок?

- Не в бракодела, а в ювелира, - с улыбкой парировал Серегин отец, - родить девочку это работа тонкая.

- Да ладно тебе, просто признайся, что слабаком стал. Вон и Сергей Сергеевич твой ни рыба ни мясо, продолжали мужики, и теперь уже обращались к Сереге лично:

- Скажи, Сережа, что тебе больше нравится, штанишки или платьице? - после чего громко заржали.

Серега слышал весь разговор, поэтому, после последних слов он быстрыми шагами подошел к столу, обвел всех свирепым взглядом, а затем схватил ближайший бокал пива, залпом его выпил, и громко поставил на стол. На этом вечеринка закончилась. Напуганы были все, но больше всего отец. Он подхватил сына на руки и пошел домой, в то время как мужики еще долго сидели, находясь в шоке от увиденного. В тот вечер, отец лично укладывал сына в кровать, много раз спрашивая, как он себя чувствует. Серега кивал, что все хорошо, но голова кружилась и все перед глазами плыло как в тумане. Отец тогда крепко сжал сыну руку и тихонько, на ухо, прошептал: «Уважаю за характер!»

Старшие братья тоже пытались подтрунивать над Серегой, и ему неоднократно приходилось давать понять, что он не будет мальчиком на побегушках. Так всегда бывает, что, если хочешь заслужить уважение надо сделать что-нибудь безрассудное.

Это было на зимних каникулах в пятом классе. Дом дедушки и бабушки стоял на околице села. Неподалеку находился овраг, склоны которого поросли деревьями. В основном это были дубы. Откуда в степной зоне появилась дубовая роща не знал даже дедушка, он только говорил, что когда был пацаненком, то дубы в овраге уже были. В общем, гуляли они в овраге возле ручья, который даже подо льдом продолжал нести свои воды. Начали старшие братья рассказывать про Порфирия Иванова, о том, как Великую Отечественную войну, немцы пытали его холодом, а сами при этом шапки с головы поснимали, да насмехались над младшим братом и его цигейковой шапкой с завязками.

- Если вы такие смелые, то слабо до дома босиком добежать? - без тени иронии спросил Серега.

- Ой, да куда тебе, с одной печенью, - выдал свою любимую шутку старший брат.

- Нам-то не слабо, - продолжил разговор второй старший брат, - а сам-то не сдрейфишь?

- А вот сейчас и посмотрим, - сказал Серега, и первым снял валенки.

Разулись. Валенки под мышки, и побежали. Мороз трещит, вспотевшие ноги прилипают к дороге и очень быстро превращаются в замороженные культяпки. Братьев хватило метров на сто, после чего они засунули ноги обратно, в теплый войлок, а Серега не сдался и добежал. Как результат, двусторонне воспаление легких и две недели на уколах. С тех пор на слабо Серегу никто не брал. Знали об этой истории и в экипаже, поэтому обходились без провокаций.

О небе Поляков младший не мечтал, но вот тельняшки, голубые береты и прыжки с парашютом ему часто снились. Когда пришло время служить в армии попросился в десантники. Когда за доблестную службу ему дали десять суток отпуска, и он, молодой, здоровый, в красивой форме приехал в деревню, то ни один человек не остался равнодушным. Он был примером для подражания, так сказать деревенским достоянием. Девчата томно вздыхали, родня гордилась, учителя приглашали в школу и ставили в пример. За два года армии Серега получил звание старшины, стал парашютистом-отличником, а потом подписал контракт и стал инструктором парашютно-десантной группы. А потом, его величество, случай подвернулся. Однажды, во время учений, десантирование происходило из самолета Ил-76. Пилотом воздушного судна был Владимир Сергеевич. Он сразу приметил крепкого и шустрого парня, в руках которого любая работа спорилась, поэтому и решил предложить Сереге занять вскоре освобождающуюся вакансию техника по АДО. Такой уж был Серега человек, что принимал решения без лишних раздумий.

За глаза экипаж называл Сергея «секретаршей», так как его рабочее место расположено перед дверью кабины пилотов и штурманского отсека. Только Пашке не нравилось такое погоняло техника. Он настаивал на должности «офис-менеджер».

Серега вышел на встречу экипажу со всеми поздоровался. У него был хорошее настроение, и он поначалу даже не заметил хмурые лица товарищей. Пашка, как самый музыкальный член экипажа, никогда не расставался с портативной колонкой. Вот и сейчас из нее доносились слова: «… летай, пока летается, мечтай пока мечтается…».

- Паша, а кто поет эту песню, - спросил Владимир Сергеевич.

- Моя Мишель, – быстро ответил Пашка.

- Она, что у тебя француженка?

- Нет, Владимир Сергеевич, она не француженка, это ее хулиганы научили, - сказал Сергей и громко засмеялся.

После того, как никто не отреагировал на его шутку Пашка начал первым.

- Это, группа так называется, «Моя Мишель», Владимир Сергеевич. Вы же не любите современных песен!?

- Нет, Паша, все песни, где речь идет о полетах, о небе, мне нравятся, даже очень.

Кирилл стоял чуть позади, а его глаза прикрывали солнцезащитные очки. В данный момент все его мысли были вдали от шуток, от экипажа, от этого места, и от всего того что происходило вокруг.

Только сейчас Серега понял, что что-то не так, поэтому спросил прямым текстом.

- Что-то случилось?

- Так, парни, - громко сказал Владимир Сергеевич, - все по рабочим местам, готовимся к взлету.

- У Кирилла брат погиб, тихо, почти на ухо сказал Владимир Сергеевич Сереге, и похлопал его по плечу.

Все направились в самолет, и на бетонке остался только командир и борттехник.

- Как ты, - спросил Владимир Сергеевич, глядя в глаза.

- Нормально командир, - ответил Кирилл, снимая очки и пряча их в карман кожаной куртки.

Глаза были красные, от бессонницы, от слез, от горя и безысходности. Владимир Сергеевич не собирался утешать или успокаивать своего подчиненного. Он знал, что нет таких слов, которые могут облегчить боль утраты. Только время сможет залечить рану на сердце Кирилла, а также он сам, если не пустит внутрь себя злобу и ненависть.

Ничего больше не говоря они рука об руку пошли внутрь самолета, словно отец и сын, которым предстоит сделать важное дело, и разговоры уже ни к чему. Обязанности были давно распределены, и оставалось только идти и делать.

VII.

После инцидента с мальчиком обстановка в торговом центре стала напряженной. Дети, вместе с сопровождающими их учителями покинули здание, и сейчас находились на парковке, рядом со сценой. Они, словно рассыпавшийся горох перемещались по ровной поверхности, то собираясь в небольшие группы, то разбегались по одиночку в разные стороны. Кто-то плакал, кто-то смеялся, кто-то звонил родителям. Учительница с кем-то громко разговаривала по телефону. Очевидно, она вызывала автобус, и хотела, чтобы тот скорее приехал и все закончилось. А может она разговаривала с кем-то из родителей, которые требовали объяснения по поводу случившегося. Через некоторое время, к месту скопления детей начали подъезжать автомобили, это родители, в спешном порядке увозили своих чад.

После того, как охранник запер Мишку в комнате охраны, он спустился на ресепшн, где его напарника уже атаковали посетители торгового центра. В основном это были арендаторы и персонал. Среди остальных выделялся парень в желто-красной бейсболке, зеленом бомбере и желтых штанах и красных кроссовках. Судя по тому, что на шее у него были наушники, он скорее всего был диджеем и звукорежиссёром, или и тем и другим одновременно.

- Уважаемый, а что происходит? Я диджей, у меня заказ. Мы договаривались на десять утра. Мне подключаться или как? - одолевал вопросами охранника парень в яркой одежде.

- Слышь, братан, - резко оборвал его охранник, - С кем договаривался, тому и звони. Не до тебя сейчас. Заводи свою шарманку, может будет веселее.

Второй охранник, Серега, уже позвонил боссу, начальнику службы безопасности и получил четкие инструкции: сохранять спокойствие, гостям ничего не говорить, быстрее отправить детей, и на всякий случай сделать обход торгового центра на предмет посторонних людей, неизвестных предметов и всего такого. Сам шеф уже садился в машину, и ехал в торговый центр. Его сейчас мучил один вопрос, звонить хозяину или подождать, в итоге решил, что позвонит после того, как убедиться во всем лично.

Мишка маялся в комнате охраны. Он напился воды, посидел на диване, уселся за стол и на лежавшем листе начал рисовать самолетики. Когда он рисовал, мысли быстрее появлялись в голове. Это он установил экспериментальным путем еще в школе. Когда его спрашивали в тот момент, когда он рисовал, оценка за ответ была выше, чем тогда, когда его спрашивали не рисующего. Но в этот раз никакие мысли в голову не приходили. Он скушал еще одну печеньку и, уютно расположившись на кожаном диване решил вздремнуть. Но прежде, чем он погрузился в сон с низу донесся женский крик:

- Смотрите! Смотрите! Там самолет падает!

VIII.

Предполетная подготовка и проверка всех систем прошла в режиме радиомолчания. Все молча делали свою работу. Движения были отточены до автоматизма. В этот раз даже не прозвучала любимая шутка экипажа про штурмана и прибор. Наверное, таким образом весь экипаж отдавал дань уважения и чтил память брата Кирилла Лаптева.

Даже резервисты, которые в основном пили, вели себя культурно. Во многом так было благодаря Сергею Полякову. Во-первых, его вид внушал доверие, а во-вторых, если кто-то начинал злоупотреблять его гостеприимством, то он, с максимально серьезным выражением лица и олимпийским спокойствием говорил:

- Прыжок с самолета без парашюта, довольно рискованное занятие, поэтому далеко не у всех получается с первого раза.

Проверяя СПУ, чтобы как-то разрядить обстановку, бортинженер сказал:

- Мне вот недавно сон приснился, будто я вещи в чемодан укладываю, как будто куда-то собираюсь. Но самое интересное, что у меня чемодан в два раза больше, чем у жены. К чему бы это?

- В отпуск вам пора, Сергей Николаевич, - быстро ответил Пашка, - Ну, а если мне не верите, то скажите: «Окей, Гугл, к чему снится упаковка чемодана?».

- Обязательно последую твоему совету Паша. Спасибо.

Все знали, что у бортинженера первая и единственная жена умерла от рака. Ей тогда не было двадцать с небольшим. Сергей Николаевич только получил звание капитана, а вместе со званием свою первую служебную квартиру. Самое время завести ребенка, но этому случиться было не суждено. С началом беременности, состояние Лиды ухудшалось с каждым днем. Сначала врачи не понимали, в чем причина. Выдвигали различные версии, и пытались лечить различные, несуществующие болезни. Из-за большой дозы медикаментов Лиде предложили сделать аборт. От этого к физическим болям присоединились боли моральные и ей становилось только хуже. Она превратилась в холодную ледышку, которая таяла на глазах. А потом, в краевой больнице, ей поставили страшный диагноз: рак поджелудочной железы, четвертая стадия. Через два месяца Сергей

Николаевич похоронил свою жену. С тех пор бортинженер так и остался закоренелым холостяком.

Кирилл сидел в кабине самолета позади всех, поэтому был единственным членом экипажа, кто написал в поисковой строке браузера фразу: «к чему сниться упаковка чемоданов вместе с покойником». Среди множества ответов, больше всего его устроил один: «видеть во сне покойника, означает приближение смерти».

Запуск двигателей прошел в штатном режиме, сначала первый и третий, затем второй и четвертый. Для непосвященных турбины ревели, и только не для экипажа, для всех, кто находился на борту корабля они пели. Процесс руления всегда напоминал экскурсию к месту, где свершиться какое-то таинство или чудо. Самолет, вяло покачиваясь, катится по бетонному покрытию, и перед твоим взором раскрываются все прелести летного поля, мимо проплывают здания, техника, ты наблюдаешь строгую геометрию рулежных полос, которые ярким узором лежат на фоне чуть пожелтевшей травы. Ну, а разве это не чудо, когда огромная 170-тонная машина, выруливает на взлетную полосу, выравнивает нос по оси ВПП, потом на мгновенье замирает, а дальше, словно стрела, выпущенная из арбалета, начинает стремительное движение вперед, и через каких-либо тысячу метров, последний раз вороненым колесом коснувшись земли взмывает в небо.

Фактически ты начинаешь лететь уже в тот момент, когда командир говорит: «Экипаж взлетаем», и плавно отпускает тормоза. Но взлет самолета не заканчивается отрывом. Впереди целая вереница отлаженных действий экипажа, которая является гарантией удачного полета. Только после того, как убраны шасси и механизация, двигатели переведены в номинальный режим, а самолет продолжает уверенно набирать высоту, взлет считается завершенным. Можно тихонько вздохнуть, мысленно поблагодарить авиационных богов, но только не в этот раз. Справа по курсу, под углом примерно сорок пять градусов появились три серых точки, они быстро приближались, но понять, что это было невозможно, радар был чист.

- Командир, смотрите, что это? - крикнул Пашка, показывая рукой в направлении движущихся объектов.

После этих слов уже весь экипаж смотрел в сторону летящих предметов.

- Дроны, - с какой-то неестественной интонацией в голосе произнес Владимир Сергеевич и машинально уменьшил угол тангажа.

В этот же самый момент от трех серых летательных аппаратов, которые уже приобрели отчетливые очертания ударных дронов, отделились три светящихся точки. Это были ракеты. Мишень была выбрана слишком большая, чтобы промахнуться, а времени для маневра тоже не было.

- «Полста семь, на взлете, атакован беспилотниками», - доложил командир буквально за какие-то доли секунды до того, как ракеты ударили в правое крыло. Одна попала прямо воздухозаборник третьего двигателя, отчего двигатель моментально загорелся. Вторая ракета попала прямо в пилон четвертого двигателя. Удар был такой силы, что самолет вздрогнул и накренился. Скорее всего от взрыва заклинил один из элеронов. Пилон будто разрезало ножом. От этого двигатель отделился от корпуса самолета, словно выпушенная торпеда, по инерции, еще некоторое время продолжил лететь вперед, а только потом устремился к земле, оставляя за собой шлейф черного дыма. Третья ракета пролетела мимо.

В кабине пилотов началась паника. Несмотря на то, что два оставшихся двигателя работали исправно, и этого было вполне достаточно для того, чтобы продолжить полет и совершить аварийную посадку, никто не понимал, что делать дальше. Ситуация усугублялась тем, что самолет летел с креном, а это значит, что он разворачивался, и делал это с потерей высоты. Нужно было срочно применить все имеющиеся способы, чтобы восстановить положение самолета в воздухе, позволяющее продолжить горизонтальный полет. Самолет плавно отворачивал от взлетного курса в сторону города. Чтобы привести в чувство себя и товарищей, Владимир Сергеевич был вынужден не просто повысить голос, а заорать что есть мочи:

- Тихо, все! – и убедившись, что все его слушают, продолжил:

- Парни, ситуация не очень хорошая. Если мы не сможем выровнять крен, то самолет продолжит снижение и в конце концов окажется на земле. Тянуть рулевую колонку на себя чревато сваливанием. У нас сейчас два союзника, время и надежда, первого катастрофически не хватает, остается уповать на второго, а еще в поддержку высших сил, если кто-то в них верит.

Владимир Сергеевич говорил свою речь и понимал, что его собственный пульс сейчас зашкаливал, частота сердцебиений превышала ту, когда на третьем курсе перед первой сменой полетов, находясь в самоволке, он подрался на дискотеке с местными. В кабине было очень жарко. Может так только казалось из-за эмоционального перенапряжения, а может отказала система кондиционирования. Самолет продолжал разворачиваться, плавно теряя высоту. Пашка изо всех сил удерживал самолет в горизонте, а по его щекам текли слезы.

Это были слезы безысходности.

На секунду в кабину заглянул Серега. Его встретил бортинженер, и таким спокойным тоном сказал:

- Тезка, мы тут пока разбираемся, скажи пассажирам, чтобы не паниковали.

Серега закрыл верь и удалился выполнять задание. Самым безучастным был Кирилл. Он просто смотрел куда-то вдаль, ничего не говоря, и не обращая внимание на шум в кабине самолета. Он словно окаменел. В глазах была пустота. Если бы кто-то внимательно наблюдал за бортрадистом, то он бы заметил, что в кресле располагалась лишь оболочка Кирилла Лаптева, а его душа уже покинула тело.

Аварийная гидравлическая система не смогла реанимировать заклинивший элерон…

Высота падала. Уже было понятно, что жилые дома нового микрорайона находятся в безопасности. Раненная стальная птица легла практически на обратный взлетному курс, и продолжала двигаться в сторону торгово-развлекательно центра «Облака», который в народе называли «Авиапарк». Он словно капелька росы, словно жемчужина, привлекал внимание своим невероятным сиянием. Не смотря на всю эту завораживающую красоту Владимир Сергеевич пытался сохранять спокойствие, и пытался понять не пересечется ли траектория полета самолета с этим серебристым облачком, лежащим на земле. «Не входить в облака» – одно из неписанных правил для каждого летчика.

Оценивая траекторию своего полета, Владимир Сергеевич вспомнил случай, во время выполнения третьего прыжка с парашютом. Это случилось во время полетов на лагерном аэродроме. В отличии от первых двух, которые прошли на пике эйфории и блаженства, третий прыжок был абсолютно осознанным. Бросали с вертолета Ми-8, с восемьсот метровой высоты, непосредственно над летным полем. Военный аэродром с воздуха напоминал большой квадрат, который по периметру был обнесен колючей проволокой. А для пущей безопасности колючка была установлена в два ряда, оставляя между рядами три-четыре метра свободного пространства. Этого пространства было достаточно, для движения часовых, что действительно делало военный аэродром неприступным объектом. Прыжки совершали в конце мая, поэтому матушка-земля с высоты напоминала ярко зеленое покрывало с пестрым узором. Если к началу десантирования над аэродромом царил штиль, что ближе к девяти часам утра появился небольшой ветерок. Владимир Сергеевич был крупным курсантом, поэтому ему предстояло прыгать первым, ну, чтобы не догнать

нечаянно во время снижения какого-нибудь худосочного товарища, и не загасить ему купол. На большой высоте нет ощущения приближения к земле, ты словно птица паришь в воздухе, чувствуя себя самым счастливым человеком на земле. Но, не успеешь ты насладится, как уже пора думать о правильном приземлении, как-никак притяжение земли никто не отменял. Сначала Владимир Сергеевич был уверен, что приземлиться на летном поле, пусть даже немножко далековато от места сбора. Но ветерок предательски относил его на колючую проволоку. По известным причинам, больше всего он боялся попасть между рядами колючей проволоки, в зону движения часовых. Лучше уж в кукурузное поле, подумал он и потянул передние стропы парашюта, для более активного скольжения вперед. Но, вопреки ожиданиям, парашют начал стремительно терять высоту. Бросив стропы, горе-парашютист, чтобы не сесть пятой точкой на бетонный столбик, начал в буквальном смысле карабкаться по стропам наверх, выгибая спину, и направляя носочки летных ботинок строго перпендикулярно земле. Он слышал хруст ломаемых костей, резкая боль пронзила все тело и перед глазами появились темные сверкающие круги. Потом он лежал в кукурузном поле, боясь пошевелиться и посмотреть на то место, когда-то были ступни. Первым к нему на помощь пришел Марат, он приземлился почти рядом у увидев лежащего в кукурузном поле друга без признаков жизни, первым делом начал кричать и трясти за плечи. Владимир Сергеевич открыл глаза, и увидел, перед собой лицо бортинженера, который продолжал трясти его за плечи, повторяя: командир, командир, командир… В этот момент капля холодного пота упала со лба, тело оцепенело и зрачки расширились. Самолет падал прямо на торговый центр. До столкновения остались считанные секунды. Внизу, на парковке метались люди, которые до последнего надеялись, что перед самой землей лайнер, словно ласточка, взмахнет крыльями, и взмоет в высоту. Но этого не случилось.

Владимир Сергеевич посмотрел на своего товарища, по-прежнему не слыша слов бортинженера. Их глаза встретились и два офицера, подобно двум гусарам, для которых честь превыше всего, одновременно совершили кивки головой. Только они знали, что означает этот кивок, потому что сразу после этого жеста бортинженер выключил два оставшихся двигателя. Турбины остановились, и тишина поглотила всех присутствующих. Крылатая машина, словно умирающий лебедь клюнула носом и пошла к земле. В последний раз Ил-76 увидел свое величественное отражение в зеркальной поверхности торгового центра. И в этой тишине, в этом гробовом молчании прозвучали последние слова бортрадиста Кирилла Лаптева:

- Я иду к тебе, брат…

IX.

Сложно сказать, чем руководствовалась дама, которая первой заметила в небе самолет с горящим двигателем и забежав в торговый центр закричала. Может быть, она просто была первой, и поэтому не совладала с эмоциями, а может решила, что это ее гражданский долг, сообщить об увиденном на пункт охраны, а еще, может быть она спасала маленького мальчика Мишку, который именно в этот момент засыпал в комнате охраны на черном кожаном диване. Кто знает. В момент, когда она в роли сирены оповещала посетителей торгового комплекса, автобус с детьми покидал площадку парковки.

Любопытство, страшная штука. Кому-то оно помогает, кому-то вредит, кого-то возносит на пик популярности, а кого-то сталкивает в небытие. Большинство людей, которые находились в здании, вопреки законам логики и здравого смысла решили посмотреть на горящий самолет, чтобы лично засвидетельствовать случившееся. Благодаря тому, что торговый центр находился на возвышенности, перед зрителями предстала удивительная панорама событий. Самолет медленно перемещался по горизонту в сторону города. Все собравшиеся зрители в большей степени переживали за качество видеосъемки на своем телефоне, нежели за собственную безопасность, тем более за тех, кто сейчас находился на борту. Большинство собравшихся на бетонной площадке людей держали перед собой телефоны с включенной камерой, кто-то просто снимал экстремальное видео, а кто-то вел репортаж с места событий. Практически каждый озвучивал свою версию случившегося. Он делал это исключительно для того, чтобы потом еще раз произнести: «А я говорил!»

Какой-то мужчина в очках, на вид лет сорока, одетый в строгий костюм сказал:

- Я не удивлюсь, если этот самолет сбили дроны! Удивляет другое, куда смотрит наша противовоздушная оборона.

Пока самолет был далеко, и не представлял никакой опасности для собравшихся людей, все было достаточно спокойно, монотонно и однообразно, но когда он плавно начал разворачиваться в сторону торгового центра, в голосах многих начали проскальзывать тревожные нотки: "он, что, разворачивается в нашу сторону", "он, случайно, нас не заденет", "а кто-нибудь уже вызвал спасателей", "а что если он грохнется прямо здесь". Даже в этот момент никто не выключил свою камеру и не покинул территорию парковки. Наверное, если бы у коллективной видеосъемки был ведущий, то услышав последнюю фразу он должен крикнуть:

- Бинго! Мне нравится этот парень! Он угадал место падения самолета с первого раза!

Модный, пестрый диджей тоже какое-то время наблюдал за падающим самолетом, но потом, со словами, "он че, прикалывается", начал быстро собирать аппаратуру и грузить ее в кузов пикапа. Наверное, у диджея в пестром наряде, просто не был развит инстинкт самосохранения. А может быть это жадность в перемешку с глупостью. Зачем, спрашивается, спасть акустические колонки, если американский автомобиль гораздо ценнее и дороже. Если большинство людей, при первых симптомах опасности сели в свой транспорт и ретировались, причем выбирая траекторию, которая ни при каких обстоятельствах не может пересечься с траекторией полета самолета. Кто-то делал тоже самое, но пешком, или на велосипеде. При виде опасности, мгновенно опустел парк электросамокатов на площадке перед торговым комплексом, и, вероятней всего, они уехали не сами. А нашего диджея прежде всего волновала дорогостоящая аппаратура, которая еще частично находилась на сцене. Даже оставшись в одиночестве, и потеряв визуальный контроль с падающим самолетом, он продолжал беспечно паковать вещи. Остается единственное предположение: молодой человек в яркой одежде рассчитывал на то, что уютная кабина автомобиля станет для него надежным убежищем. Так и случилось, только это убежище превратилось в последние пристанище. Самолет рухнул на бетонную площадку перед торговым центром именно в тот момент, когда груженый пикап начал трогаться с места. Если есть жизнь после смерти, то этому человеку будет над чем поразмыслить, анализируя свои действия и принятые решения. Самолет рухнул прямо на сцену. Все, что находилось рядом, включая пестрого диджея, его автомобиль и дорогостоящую аппаратуру, в одно мгновенье было погребено, а вернее сказать кремировано на месте. Через пару секунд после касания самолета земли, раздался страшный взрыв. Столп пламени, и клубы черного дыма взметнулись выше торгового центра. Ударная волна разбросала оставшиеся на парковке автомобили словно спичечные коробки, которые, падая на землю превращались в искорёженные, горящие груды металла, а некоторые из них продолжали хранить останки своих владельцев. От удара, хвостовое оперенье самолета отломилось и, словно бумеранг, крутясь и переворачиваясь, полетело через зеленую лужайку с сторону оврага. От взрыва большинство стекол фасадных витражей лопнули и осыпались. Самолет упал с опережением на правую часть крыла, и его немножко развернуло до момента взрыва. Благодаря этому траектория движения обломков упавшего самолета прошлась по касательной к зданию, и причинила ему минимальны разрушения. Левая часть крыла вместе с одним из двигателей проскользили по бетонной парковке, проломила стену торгового комплекса и остановилась в холле первого этажа рядом с бассейном. Огонь был повсюду. В горящем топливе начались взрываться

боеприпасы. Территория парковки превратилась в ад, который всеми силами пытался поглотить торговый центр.

X.

Как ни старался Игорь, как ни накручивал рукоятку газа японского скутера, с самолетом, летящим даже на двух двигателях, тягаться ему было не по силам. Когда горящий самолет пролетел у него над головой, он машинально втянул голову в плечи, опасаясь, за то, что его может задеть. Он не чувствовал ни страха, ни испуга, просто сработал инстинкт. В тот момент все его движения уже были инстинктивны. Голова раскалывалась. В какие-то мгновения Игорь перестал понимать, где он, кто он, и что происходит. Все вокруг казалось нереальным, каким-то кошмарным сном, в котором он мчит на скутере наперегонки с самолетом. К реальности его вернул взрыв. Он произошел тогда, когда до парковки торгового центра Игорю оставалось около трехсот метров. Взрыв был такой силы, что ударной волной его в буквальном смысле остановило посреди дороги. Дальше все было как в тумане. Сквозь дым и гарь, он двигался к торговому центру. Он слышал чьи-то крики, призывы о помощи, но он не понимал откуда доносятся эти звуки. Пылал пожар, вокруг лежали искорёженные автомобили. Среди обломков самолета лежали человеческие тела, где-то позади завывали сирены. Подъезжая к центральному входу, Игорь, начал звать Мишку. Ему казалось, любой, кто находится рядом его услышит. Но это было далеко не так. Каждое слово он произносил медленно и с большим трудом, и почему-то у него был полный рот слюны. В конце концов он снял шлем и отбросил его в сторону. Перед ним появился абсолютно черный человек. Сначала Игорь подумал, что это афроамериканец, но, когда тот повернул голову стало ясно, что он наш, просто одет в черное и весь покрылся сажей, а на майке с трудом можно было прочитать слово «ОХРАНА». На ходу соскочив со скутера он подбежал к охраннику и спросил:

- Маальчик, ллет ддесяти, Миишка, к ваам приезжал. Ггде?

Игорь говорил очень медленно, как будто заикаясь. Но парень не обратил на манеру речи никакого внимания.

- Он на втором этаже, первая дверь слева от лестницы. Вот ключ, - сказал парень в черном и сунул в руку небольшой ключ.

Игорь сначала хотел возмущенно крикнуть: «Вы, что, его там закрыли!», но не смог, потому что каждое слово ему теперь давалось с большим трудом. С единственной мыслью о том, что что ему нужно спасти Мишку он вошел в

горящее здание. Температура в здании была катастрофической. Чтобы не свариться и не сгореть заживо, Игорь упал в бассейн, секунду полежал, а затем встал и продолжил путь на второй этаж.

XI.

Когда раздался взрыв, Мишка стоял посреди комнаты, недалеко от сейфа. Он слышал звук приближающегося самолета, но не мог представить, что там, снаружи, происходило на самом деле. Взрывной волной, и сейф, и Мишку отбросило назад. Мишка упал на спину, больно ударившись головой. Скорее всего, на какое-то время он потерял сознание, а когда открыл глаза, то увидел сейф, лежащий на своих ногах чуть ниже колен. Казалось, что его ноги были сделаны из глины, или какого-то другого мягкого материала, и сейф их просто расплющил. Если бы не штурвальная ручка на дверях сейфа, то последствия могли быть еще хуже. Только теперь, когда первая волна болевого шока прошла, Мишка понял, что случилось. Он попробовал выдернуть ноги из-под сейфа, но от острой боль, которая словно молния пронзила каждую частицу его тела он снова потерял сознание. Честь пролом в стене в комнату ворвались языки пламени. Они быстро окутывали пластиковые панели, которые начинали гореть, выделяя едкий тошнотворный запах. Со стен, огонь перекинулся на потолок. Мишка пришел в себя после того, как ему на живот упали первые капли раскаленного горящего пластика. Система пожаротушения не сработала, датчики медленно сгорали вместе с пластиковыми панелями. Мишка начал руками сбрасывать с себя горящие капли, прикрывать лицо и отчаянно звать на помощь. Он до последнего вздоха боролся за свою жизнь. С каждой минутой ситуация становилась критической. Огня и дыма становилось все больше, Мишка задыхался и уже не кричал, а только хрипел и тяжело дышал. Он уже не чувствовал боли, и изуродованными обгоревшими руками продолжал смахивать с себя горящий пластик и прикрывать лицо.

Когда дверь комнаты открылась Мишка, был в сознании, но уже ничего не говорил, он просто закрыл лицо обгоревшими руками и тихонько подвывал.

Игорь действовал без раздумий. Он резким движением опрокинул сейф, и схватил ребенка на руки. Ноги мальчика, ниже колен, свисали словно веревки. Все тело ребенка было покрыто волдырями, которые были видны через обгоревшую одежду. В какой-то момент Игорь увидел на перекошенном гримасой боли, обожженном лице улыбку. Может так и было, а может Игорю просто померещилось. Тяжелой походкой он спускался по ступеням на первый этаж, Мальчик был очень легким, но казалось, что ноги стали словно чугунными

и будто застревали в раскаленных ступенях лестничного пролета. Выйдя на улицу, Игорь сразу увидел стоящую неподалеку карету скорой помощи. Навстречу ему побежали люди в медицинских халатах, которые забрали мальчика. После того, как его руки освободились, не подчиняясь никаким сигналам они безвольно опустились. Он хотел что-то сказать, но не смог этого сделать. Язык превратился в огромный комок, который мешал говорить. Из открытого рта вырвался еле слышимый страшный и протяжный «Ы-ы-ы». Откуда-то донеслись слова «Вы в порядке», а после этого наступила темнота. темнота.

XII.

Несколько месяцев врачи боролись за жизнь Игоря, но больших успехов в своих трудах не достигли. Оправится после обширного инсульта Игорь так и не смог. Левая часть тела была полностью парализована, правая подавала незначительные признаки жизни. Речевой аппарат был тоже поврежден. По сути, он превратился в овощ. Его кормили из ложечки, меняли памперсы и перекладывали с места на место, как кусок мяса. Его мозг осознавал всю безысходность ситуации. Он не хотел жить, но злая ирония в том, что в таком состоянии он даже навредить себе не мог. Что ни на есть живой труп. Перед Новым годом, Игоря выписали из больницы и отправили домой. Ему назначили социального работника, который должен круглосуточно ухаживать за больным. Единственная дочь так и не приехала. Возможно, она даже не знала о случившемся.

В отличии от Игоря, у Мишка, жажда жизни не пропала. Больше месяца он был прикован к постели, пока ему по кусочкам восстанавливали ноги, потом несколько операций по пересадке кожи, а потом еще операция по восстановлению сухожилий. Как говорится, мир не без добрых людей. Среди родителей детей, которых, Мишка спас в тот роковой день, оказался олигарх, который оплатил лечение мальчика в одной из лучших столичных клиник. Врачам пришлось изрядно попотеть, делая из трансформера обратно человека. В любой клинике, где побывал Мишка, он был символом мужества и отваги. Все удивлялись, сколько сил спрятано, в этом хрупком теле. Уже будучи дома, он продолжал менять повязки и заново учиться ходить, сначала на костылях, потом с помощью палочки.

Они встретились на Рождество. В дверь Игоря тихо постучали. Мишка тихонько вошел, и закрыл за собой дверь. В темном коридоре, при свете лампы он был похож на высокого и красивого юношу. Видать свое детство, он излечил вместе со страшным недугом. Только короткая стрижка и озорные глаза выдавали того

Мишку, которого помнил и любил Игорь. При одном виде мальчика из глаз Игоря словно горошины покатились слезы.

Почти минуту, они молча смотрели друг на друга, кровать Игоря стояла напротив входной двери, а потом Мишка по-армейски произнес:

- Разрешите?

Впервые, с момента трагедии, на лице Игоря появилась улыбка. Наверное, это была такая же улыбка, как та, которую он увидел на лице Мишки, когда выносил его из огня. Мишка сказал социальному работнику, что на сегодня она может быть свободна, и что он сам обо всем позаботится. Та согласилась, написала для Мишки список заданий и ушла.

После того, как женщина ушла, Мишка сел на стул, который стоял у изголовья Игоря и произнес:

- Здравствуй, дядя Игорь. Мне так много нужно тебе рассказать....

И слова потекли рекой. Это был самый длинный монолог в мире. И слушатель попался покладистый, слушал и не перебивал. За окнами уже начало темнеть, а Мишка все рассказывал о том , что случилось в тот день, о том как Игорь его спас, как лежал на операционном столе, боясь, что после очередного наркоза не проснется, и как заново учился ходить. А еще о том, что в авиакатастрофе выжили три человека, техник по десантированию и два гражданских лица, они находились в хвосте самолета, и во время взрыва вместе с оторванным хвостовым опереньем, улетели в овраг. Рассказывал о том, что его наградили грамотой от самого губернатора и вручили новый мобильный телефон, тот-то сгорел вместе с велосипедом. Что в школе, его фотографию поместили на специальной доске под названием «Наши герои». А еще о том, что после инсульта, если не сдаваться, многие люди начинают не только разговаривать, но и ходить, и что это не выдумка, а ему лично сказали московские врачи.

Слушая рассказ Мишки, Игорь вздрагивал всеми оставшимися нейронами. В какой-то момент где-то глубоко внутри в самом отдаленном уголке его мозга, у него вспыхнула искра надежды, и он начал верить словам Мишки. Слезы, большими каплями скатывались на подушку, и только они вдвоем знали, что это были слезы радости.